

ОДНАЖДЫ я уходил из дому по какому-то делу. Нужно было торопиться, не опоздать. Я надел пальто и вдруг остановился в прихожей. По радио неожиданно зазвенел знаменитый голос Бабановой. И я не смог уйти, так и простоял, пока не кончилась передача. Уйти было невозможно. Дело-вое свидание не состоялось. Дело должно было уступить место сказке, поэзии, чуду. Это была утренняя детская передача, Бабанова читала сказку О. Уайльда «Соловей и роза». Утро стало абсолютно счастливым. Я стоял, забыв про все дела, и, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы единый звук, слушал этот неправдоподобно прекрасный бабановский голос.

В передаче звучали скрипка, арфа, свист имитировал трели и шелканье соловья, но все это казалось ненужным, куда менее музыкальным, чем интонации Бабановой. Ибо человеческое волнение, человеческая мысль, боль, мечта находили свое выражение в удивительных звучаниях голоса, звенящего серебряной нотой неповторимой чистоты и нежности. Я думал: как может стать человеческий голос таким совершенным инструментом, напоминающим звуки старинных клавишников и музыкальных шкатулок, думал, как могут родиться в человеческом горле, нет, в человеческом сердце такие вздрагивающие перемены хрустальных колокольчиков? Волшебная «колоратура», редкостный тембр бабановского голоса, чеканное и в то же время легкое произношение, ее удивительная артикуляция доставляли огромное наслаждение.

АРТИСТИЧЕСКОЕ творчество Бабановой — неповторимое и замечательное явление нашего искусства.

Созданные ею образы Тани в одноименной пьесе А. Арбузова, Анки и Маши в пьесах Н. Погодина, Джульетты, Дианы и другие вошли в историю советского театра, о них написано во многих статьях и книгах.

О работах Бабановой на радио никогда не писали, а между тем благодаря им ее творчество стало доступным даже тем, кто не имел возможности увидеть ее на сцене. Эти выступления принесли ей любовь многих тысяч радиослушателей, благодарных за встречу с большим и светлым искусством.

Слушая речь Бабановой, я вспоминаю виденную мной в Эрмитаже серебряную филигрань — чудесное произведение искусства, легкое, тонкое кружево из серебра.

Но ведь все дело в том, что это техническое мастерство, эта почти «вокальная» точность согрета огромным волнением, выражает грацию простых и безупречно искренних движений человеческой души.

Я часто вспоминаю о том, как оставил меня в то утро голос Бабановой, мне было известно, что она участвовала во многих радиопередачах. Некоторые из них доводилось слушать. И мне захотелось написать о работах Бабановой на радио, я решил прослушать все ее записи. Их оказалось очень много, целые километры, бесконечные рулоны пленки.

Несколько дней с утра до вечера я слушал эти записи. Это были волшебные дни, когда голос актрисы вершил чудеса, вел меня в особый мир, как в тот сказочный хрустальный дворец, о котором рассказывает сыну герой чеховского рассказа, который читает Бабанова. Все передачи, роли, рассказы, сказки соединились в единый огромный монолог, своеобразную поэтическую исповедь актрисы. Я слушал передачу за передачей и мне казалось, что меня лугаво и вкрадчиво, нежно и требовательно «уговаривают» быть лучше, доверчивее, добрее. Как всегда, эта встреча с большим искусством была радостью какого-то душевного очищения.

Звучали записи разных лет и среди них совсем недавние. Но голос Бабановой не подвластен времени, годам, усталости.

ЕСТЬ великое чудо искусства — дар немеркнувшей юности. Смешные и трогательные девочки Бабановой, ее маленькие принцы, звездные и обыкновенные мальчики по-прежнему неподдельны в своей наивной и мудрой детскости.

Многие передачи Бабановой — для детей и о детях. Это прежде всего сказки. Знаменитый «Оле-лук-оке» Андерсена. «Добрый вечер, Гильмар, я принес тебе сказку», — торжественно и чуть-чуть хитро произносит Бабанова с какой-то непререкаемой, не терпящей возражений уверенностью в том, что все сказочные чудеса существуют и никто не посмеет в них усомниться. В словах Оле-лук-оке, в его песенке оживает душа сказки, воздушная, нежная, но и очень требовательная, непреклонная в своей требовательности.

Читая другую сказку Андерсена, «Ель», Бабанова создает сложную и тщательно разработанную музыкальную партитуру вещи. Это целый спектакль со множеством действующих лиц, даже прелестных «масковых сцен» — легкие, «порхающие» интонации актрисы рисуют стайку припрыгивающих воробьев, смешное хихиканье и писк любопытных мышат, изображает их забавную возню, веселые голоса детей, агукающих в лесу, каким-то непонятным образом создают радостную

картину солнечного летнего дня.

Но главное — история самой Ели, в которой Бабанова находит удивительный сплав наивности с горькой прозой. Ведь речь идет о суетности, мишуре, об обмане тщеславной мечты.

Бабанова и в других своих работах возвращается к теме суетности, пустой, вздорной гордыни, жестоко наказанной надменности. Она изображает тщеславие забавно и беспощадно. В «Звездном мальчике» О. Уайльда чистота бабановского голоса кажется холодной, он звучит отрывисто и властно, как колокольчик, на звон которого должны сбегаться слуги. Прекрасный мальчик действительно убежден, что все люди должны служить ему, преклониться перед его красотой. Но зато как трогает потом уже не победно звенящий, а убитый, дрожащий от стыда и горя голос мальчика, узнавшего унижение и боль. Он

го, что все знает и все может.

Бабанова создает очень противоречивый характер — ее Хозяйка добра и строптивая, мудра и своенравна, непоколебима и изменчива. Она манит и предостерегает, завораживает и насмехается, зовет и честно предупреждает об опасности. С Северьяном она говорит неумолимо, но не зло, а скорее с грустным чувством легкой брезгливости к его трусости и подлости.

В этой роли неумолимо меняется говор Бабановой, становится чуть более бытовым, простонародным. Вкрадчивость ее интонации кажется чуть угрожающей, испытующей, даже в лукавстве ее есть что-то грозное.

Но самое интересное наступает тогда, когда в голосе этого властного, насмешливого, неприступного существа начинают звучать любовь и скрытая боль, неподдельное человеческое горе. Она плачет, когда

го говорит Бабанова, и на глаза навертываются слезы от этого душераздирающего, застенчивого признания.

Актриса часто обращается к образам детей, ибо видит в них исток чистоты, нравственной незапятнанности.

Человек тем обаятельнее, чем больше осталось в нем от его детства, от его искренности и непосредственности. Бабанова это отлично понимает. Вот почему так пленительна ее Кларисса, героиня фантастической повести Бредбери «451^о по Фаренгейту».

Как всегда, у Бабановой непреломно верить в исключительность этого удивительного создания, в его почти сказочное обаяние. «Казалось, что девушка не ступает по плитам, а скользит над ними», — говорит Бредбери о Клариссе. И этому веришь, представляешь себе существо действительно невесомое. Героиня Бабановой чужая в жестоком, бездушном, механизированном мире. Ее Кларисса — живое, неожиданное и доброе чудо человечности, индивидуальности, личности. В ее грусти, беззащитности, странностях — стой-

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Голос Бабановой

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

плачет горько и безутешно, как умеют плакать только дети.

И в наивной сказке «Айюга» капризный голосок красивой девочки поет песенку самопоисния, нежнейшей любви к самой себе. Но постепенно стеклянный голосочек начинает дрожать от слез обиды. «Красивая я», — твердит Айюга упрямо, беспомощно и раздраженно. А когда злоба овладевает ее глупенькой душой, девочка превращается в чванливую гусыню. «Айюга-га-га-га» — звучит над озером ее обиженный крик. «Серую шейку» Мамнина-Сибиряка Бабанова читает совсем по-другому, чем андерсеновскую «Ель». Это русская сказка, в ней опускаешь дыхание быта, русской зимы, деревни, все образы словно плотнее, юмор простодушнее. И изящество Бабановой здесь другое — это изящество абсолютной простоты.

В этой сказке речь тоже идет об очень серьезных вещах. Об одиночестве, о невысказанной боли покинутости, о стойкости. Великолепна в изображении Бабановой лиса — образ беспощадной, хищной ласковости. «Я тебя все равно съем», — говорит лиса Серой шейке сочувственно, даже чуть грустно — ничего, мол, не поделаешь, как ни жаль, а придется съесть. С чудесным юмором передает Бабанова хитрые размышления старика, решившего скрыть от старухи, что он упустил лису.

В «Маленьком принце» Экзюпери Бабанова раскрывает тему счастья-во-грустного, недоуменно-раздумчивого постижения мира, тайну вечных, как сама жизнь, ребячьих «почему?».

Сцену Принца с Розой актриса играет одна, но это живой диалог двух необычных существ, настоящий шедевр тончайших контрастов — стеклянная ломкость, каприз «кружевных» интонаций Розы и задыхающийся, благоговейно-горестный шепот потрясенного, влюбленного сердца принца.

Когда слушаешь Бабанову, в воображении возникает все очарование трогательной детскости, видишь перед собой это «хрупкое сокровище», веришь, что «на нашей земле не было ничего более хрупкого».

«Суок, умрите», — говорит доктор Гаспар отважной девочке, изображающей куклу наследника Тутти. «Сейчас», — отвечает Бабанова тихо и спокойно, лукаво и деловито. И в одном этом слове возникает образ мысленной и смелой героини «Трех толстяков» Ю. Олеши.

Когда Суок кончает свою песенку во дворце Трех толстяков, какая-то придворная дама восхищенно произносит: «Она поет, как ангел!». И я уверен, что каждый, кто сидит в это время у радиоприемника, готов сказать то же самое.

Бабанова поет во многих передачах — поет ее Маленький принц, Звездный мальчик, девочка Айюга, Суок, Оле-лук-оке, крошка Доррит... Песенки Бабановой — это сокровенная лирическая «музыка души», как бы музыкальная кульминация, музыкальное «зерно» роли. Она поет по-своему очень искусно и вместе с тем так непосредственно, ласково и наивно, как девочка, баюкающая непослушную или огорченную куклу. Слушая эти журчащие песенки, этот вибрирующий голосок, нельзя не затихнуть, не улынуться, не потеплеть сердцем.

НЕКОТОРЫЕ сказочные образы Бабановой очень сложны и многозначны. Такова ее Хозяйка Медной горы из передачи по сказкам Бажова. В этой роли поражает ее смех — мелкорассыпающийся, словно бисерный. То и дело она пошмеивается, озорно и загадочно. От избытка внутренней силы, от то-

го, что все знает и все может. Данила уходит от нее, но говорит ему с горькой усмешкой: «Что камешной сделается...».

Неповторимый голос Бабановой узнаешь сразу, как только она произносит несколько первых слов роли. Но этот голос рисует совсем разные характеры.

Если девочка Суок из «Трех толстяков» ведет опасную игру, от которой тревожно и сладко замирает ее сердце, если она вся захвачена азартом сказочного приключения, го Бекки Тэчер из «Тома Сойера» — сама благовоспитанность, важная заботливость, прелестное воплощение примерности и послушания. Так и видишь ее всю в кокетливых оборках и кружевах, воздушное, чистенькое, накрахмаленное облачко. Но за чинностью этой маленькой дочери Евы ощущаешь жгучее женское любопытство, жажду вонзить белые остренькие зубки в запретный плод, который предлагает ей более «опытный» Том.

Бабанова читает по радио рассказы Чехова, Горького, Куприна, Успенского о детях. Это целая «маленькая энциклопедия» детской души. В рассказе Чехова «Гриша» Бабанова сразу находит детскую мелительную интонацию, ведь Гриша совсем маленький, мысли его «ворочаются» еще медленно и неуклюже, у него и походка вперевалячку, он быстро устаёт от радости и напряжения еще смутного постижения окружающего мира.

А семилетний герой другого чеховского рассказа, «Дома», уже обладает своим внутренним миром, у него свой поэтический строй души, свое течение мысли, и отцу не так просто найти к нему ключ, советно говорить с мальчиком казенно и буднично. И постепенно, слушая сына, отвечая на его неожиданные вопросы, отец чувствует, что у него становится «тепло и мягко на душе».

В рассказе «Мальчики» актриса предельно серьезно, с величайшим уважением говорит о твердом и замкнутом характере маленького мальчика, подписывающегося «Монтигомо, Ястребиный коготь». Здесь она передает героическое напряжение детской души, благородную жажду подвигов и приключений. Юмор рассказа обнаруживается именно в серьезе, в «драматизме» и напряженности происходящего.

В четвертом чеховском рассказе, «Житейская мелочь», Бабанова с огромной нервной силой передает потрясенные детской души, трагедию обманутого доверия. Маленький герой рассказа отчаянно и бурно переживает первое столкновение с подлостью. Ведь он впервые узнал, что в жизни существует предательство, ложь, обман и многое другое, «чему нет названия на детском языке». Бабанова заражает нас своей сдержанной болью, возмущением, гневом.

В рассказе Горького «Миша» Бабанова показывает, как больно ранит детское сердце обида на невнимание окружающих, исследует зарождение творческого начала в чуждой душе ребенка.

Это же становится темой ее трагического образа маленького слепого музыканта в передаче по повести Короленко.

Нельзя забыть ее сдвинутого возгласа «Мама!». Это отчаянная мольба о защите, крик из мрака, из ужаса, стон, вырвавшийся от страха перед враждебным, таинственным и непознанным миром. Нельзя без волнения слушать пронзающую, нервную отрывистость ее вопросов, полных тревоги, затаенной тоски.

«Я не странный... я слепой», — ти-

но оберегаемый мир поэзии.

Может показаться, что Бабанова сильна только в изображении беспомощности, лиричности, хрупкости. Нет, это совсем не так.

В ее творчестве явно присутствует тема стойкости, мужества, твердости. Рассказ шведского писателя Гунара Гунарссона о маленьком сыне бедного рыбака Бабанова читает, как суровую северную сагу о чуде героизма, честности, гордости. «Мне так хотелось плакать, когда умер отец, но я боялся, что это ему не понравится, и я сдержался», — говорит маленький Сьерфуль. Хрупкие герои и героини Бабановой умеют сдержаться, скрепиться, устоять перед ударами судьбы.

ЗАПИСИ Бабановой есть не только в редакции детских передач. Сохранилась запись двух сцен из «Пер Гюнта», где в нескольких фразах Бабанова создает образ Сольвейг, образ мудрого, любовного терпения. И, наконец, мне удалось прослушать поистине уникальную запись — «Маскарад» Лермонтова в исполнении М. Астангова, П. Мансуровой, А. Лукьянова. Образ Нины сыгран Бабановой на радио, но его можно смело отнести к ее лучшим созданиям, поставить в ряд с такими ее ролями русской классической драматургии, как Марья Антоновна, Полинья, Лариса, Раневская.

Слушая в исполнении Бабановой стихотворный текст Лермонтова, отмечаешь поэтическую конкретность созданного ею образа, редкое чувство стиля. В Нине — Бабановой чувствуются ум, холодок безупречного воспитания, легкое утомление однообразной и пестрой жизнью. Кружевные шумных балов и маскарадов, чинность утренних визитов, сумрак пышных храмов, пелена петербургских туманов — все это как бы встает за музыкой стиха, за изяществом небрежно и устало брошенных реплик.

Начинаешь видеть прозрачную бледность бабановской Нины, ощущаешь поэтическую анемичность впусную мелькнувшей жизни — была любовь, но и она принесла сначала печальную горечь разочарования, а потом гибель. Это бескровная жизнь, бескровная любовь, бескровная смерть, оранжерейный цветочек со слабым, едва уловимым ароматом. Нину смутно томит неясное и недоброе предчувствие. Поражает и трогает ее грустное безразличие к беде, угрозам, к самой смерти. От страстных и гневных обвинений Арбенна она защищается холодной, почти надменной замкнутостью, в ее ответах — ироническая горечь и привычная светская колкость. Мучительное и гордое нежелание оправдываться, опровергать, уверять, вызывающее горестную усмешку, трезвое сознание неадекватности подозрений. Во всем безупречное чувство меры, грация достоинства, тихая элегия угасания. Даже предсмертная вспышка сдержанности, не кажется бурной и жалкой.

«Но я... я жить хочу» — Бабанова произносит это совсем просто, чуть жалобно, как больной ребенок говорит: «Я хочу пить».

Почти беззвучно, медленно и спокойно говорит она последнюю реплику: «Теперь мне все равно. Я все же невинна перед богом». И в этом просветленном спокойствии вдруг обретает истинное величие души.

НЕВОЗМОЖНО описать все работы Бабановой на радио. Важно то, что почти все они творчески принципиальны, значительны, утверждают тему актрисы, ее веру в поэтическое начало жизни и человека.